

Чиано Галеаццо

**Дневник графа Чиано
министра иностранных дел
фашистской Италии**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Г15

Г15   **Галеаццо Ч.**
Дневник графа Чиано министра иностранных дел фашистской Италии / Чиано Галеаццо – М.: Книга по Требованию, 2022. – 63 с.

ISBN 978-5-521-30246-8

ISBN 978-5-521-30246-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

приему очень рад. Без сомнения, он еще помнит тот шум, с которым он несколько месяцев тому назад был встречен в дружеской Франции.

6 часов вечера. Конференция в Палаццо Венеция. Обсуждавшиеся вопросы были второстепенного значения и обе партии обнаружили свое вялое настроение. Как далеки мы от этих людей!

12 января 1939 г. Дискуссия, происходившая во второй половине дня, характеризовалась чувством озабоченности, доминирующим в Англии по отношению к Германии. Германское вооружение висит над Англией, как свинцовый груз. Если бы англичане ясно видели будущее, они были бы готовы на любые жертвы. Это еще больше убедило меня в необходимости Тройственного союза. Имея в своих руках такое орудие, мы могли бы достичь всего, чего мы хотим. Англичане не хотят войны. Они стараются как можно медленнее отходить на задний план, но бороться не желают. Муссолини с большой преданностью защищает Германию; втайне он имеет в виду планы — свои и Фюрера. Наши переговоры с англичанами окончились. Я сообщил по телефону Риббентропу, что этот визит Чемберлейна был лишь абсолютно безвредным фарсом и поблагодарил его за позицию немецкой прессы.

26 января 1939 г. Когда я находился в клубе для гольфа, прибыло сообщение о том, что Барселона пала. Я известил об этом Дуче и договорился со Стараче о праздновании этого события во всей Италии. Остается лишь назначить время, потому что народ принял эту новость с большим энтузиазмом.

Дуче был также глубоко тронут. Он имел достаточные причины быть действительно довольным потому, что победе в Испании помогло имя Муссолини, проводившего эту кампанию храбро и твердо, даже в то время, когда многие лица, аплодирующие ему теперь, были раньше против него.

30 января 1939 г. Дуче очень заинтересован созданием милиции для парада 1-го февраля. Он лично занимается большинством мельчайших деталей. Он проводит много времени у окна своего кабинета, скрываясь за синими занавесями и глядя из-за них на маршировку различных войсковых частей. Согласно его приказа, маршировка должна проводиться под звуки только труб и барабанов. Он сам выбрал палочку капельмейстеру и лично учит его движениям, которые тот должен делать. Очень часто он обвиняет короля в уменьшении физического престижа нашей армии для того, чтобы она гармонировала с его собственным «нездоровьем».

1 февраля 1939 г. Смотр милиции. В общем очень красиво

Войска еще не совсем готовы. Массы людей и стали. Вероятно, никто не любит в такой степени римского шага (шаг, введенный фашистами, имитирующий немецкий «гусиный шаг»), как я. Но упразднение больших оркестров при маршировке создает чувство утомительной монотонности.

14 февраля 1939 г. Дуче сказал, что в отношении Албании мы должны подождать двух событий: устройства испанских дел и союза с Германией. А пока что, мы должны распространять самые разнообразные слухи; подобно осьминогу, мы должны замутировать воду.

15 февраля 1939 г. Маленький личный эпизод: Стараче поймал почтенного Мартире, бывшего члена народной партии и фашиста с 1932-го года, пытавшегося запятнать мое имя, говоря, что у меня «злой глаз.» Мораль: Мартире должным образом закован в наручники и отправлен в тюрьму. Сам по себе этот инцидент незначителен, но из него можно сделать следующие выводы. Плохой: несоответствие морали некоторых людей, которым мы позволили подняться до нашего уровня, — нашей моралью. Хороший: он доказывает психологическую позицию Дуче по отношению ко мне, поскольку он реагировал на это действие Мартире с такой неистовостью, какой Стараче никогда прежде у него не замечал.

Вечером собрался Большой Совет. Дуче рассказал мне о деле Мартире и выразил свое сожаление, что не был в состоянии его избить. И он добавил, что семнадцать лет нахождения его у власти не давали ему возможности получить удовольствие от нескольких дюжин дуэлей». (Дуэли фашистским правительством были запрещены).

19 февраля 1939 г. Дуче становится все более и более едким по отношению к Франции. Итальянцы уже ненавидят Францию, но Дуче имеет намерение в течение ближайших месяцев усилить эту ненависть до предела. Когда он начнет войну и побьет Францию, он покажет итальянцам «как должен быть установлен мир в Европе». Требовать контрибуции он не будет, но он разрушит все и многие города сравняет с землей.

22 февраля 1939 г. Дуче очень рад, что Франко решил присоединиться к анти-коммунистическому пакту. Испания, таким образом, становится живым и динамичным фактором. Те группы людей, которые пытались так жестоко критиковать наше вмешательство в испанские дела, может быть когда нибудь поймут, что на реке Эбро, в Барселоне и в Малаге были заложены фундаменты Римской Средиземноморской Империи.

12 марта 1939 г. Коронация святого Отца. Я присутствовал

на этой церемонии, как глава итальянской делегации. Папа был торжественен, как статуя; месяц тому назад он был кардиналом и лишь человеком среди людей. Сегодня кажется, что он действительно наполнен Святым Духом, вдохновляющим и возвышающим его.

15 марта 1939 г. Германские войска начали оккупацию Богемии. Это серьезная вещь, поскольку Гитлер уверял всех, что он не нуждается в присоединении к себе Чехии. Бесполезно отрицать, что все это приковало к себе внимание итальянского народа и несколько унижает его. Необходимо дать ему удовлетворение и компенсацию — Албанию.

Фюрер заявляет, что он действовал так потому, что чехи не хотели демобилизовать свои вооруженные силы, потому что они поддерживали сношения с СССР и потому, что плохо обращались с немцами. Такие предлоги может быть хороши для пропаганды Геббельса, но, говоря с нами, немцы не должны выставлять их.

Я нашел Дуче несчастным и подавленным этим сообщением. Он продолжает говорить об Албании, но, однако, он не сделал еще окончательного решения. По его мнению, даже оккупация Албании не могла бы уравновесить в мировом общественном мнении присоединение к Райху одной из богатейших территорий в мире, такой как Богемия. Слишком плохо! Я убежден, что наш поход на Албанию мог бы поднять мораль в стране.

16 марта 1939 г. У меня было еще одно совещание с Дуче. Теперь он думает, что в Европе установлена прусская гегемония. Поскольку дела приняли такой оборот, я спросил его не было ли бы для нас лучше скорее вступить в союз, чем поддерживать в будущем нашу полную свободу действий, согласно наших собственных интересов. Дуче решительно высказался в пользу союза. Я выразил свои опасения, что этот союз не будет так популярен в Италии и что Германия использует это преимущество, чтобы протолкнуть свою политику экспансии в центральной Европе вперед.

17 марта 1939 г. Дуче встревожен и мрачен. Таким я его вижу впервые. Даже во время «Аншлюса» он высказывал большее безразличие. Он поглощен хорватской проблемой. Он опасается, что Мачек (вождь хорватской национальной аграрной партии, сопротивлявшейся сербам) может объявить независимость и стать под протекторат Германии. Он говорит: «В таком случае имеются лишь два выхода: или сделать выстрел против Германии первыми, или быть сметенными революцией, которую принесут с собой фашисты. На Адриатике никто не потерпел бы свастик.»

Я вызвал Маккензена и говорил с ним спокойно, но достаточно твердо. Я напомнил ему о заявлении Фюрера, что Средиземное море немцев не интересует и что на этом фундаменте мы и сформулировали политику Оси. Если же не придерживаться этой предпосылки, то Ось будет разбита.

19 марта 1939 года. Продолжение разговора с Дуче; за последние дни он много думал над нашей дискуссией и согласен с тем, что в настоящее время преподносить итальянскому народу мысль о союзе с Германией — невозможно.

20 марта 1939 года. Фон Маккензен привез ответ на мои заявления, сделанные в прошлую пятницу; Германия не интересуется судьбой Хорватии и признает превосходство итальянских интересов. Он повторил, что Средиземное море не является, не может и не должно стать немецким морем. Я сообщил об этом Дуче, который нашел это сообщение довольно интересным, «при условии, что мы сможем ему поверить».

21 марта 1939 года. Сегодня западные державы потеряли значительную долю своего престижа, который перешел к немцам. Сообщение о попытках создания «демократического блока» укрепило Дуче в пользу немцев.

27 марта 1939 года. Сегодня утром Дуче очень рассердился на короля, когда тот собрался с духом сказать ему, что не согласен с политикой Дуче в отношении Албании и не видит смысла начинать такое рискованное предприятие, чтобы захватить «несколько скал». В ответ на эти слова короля, Дуче сделал едкие замечания. Он сказал: «Если бы Гитлер должен был иметь дело с бесхарактерным королем, он никогда не смог бы захватить ни Австрии, ни Чехословакии» и продолжал горячо говорить, что монархия не любит фашизма, потому что фашизм является единой партией, а «монархия желает, чтобы страна была разделена на ряд партий, которые можно было бы натравливать друг на друга».

28 марта 1939 года. Пал Мадрид, а вместе с ним и другие города. Красной. Испании. Война окончена. Это новая грозная победа фашизма — может быть, величайшая до настоящего дня.

29 марта 1939 года. Чтобы вынести решение в отношении Албании я дважды виделся с Дуче. Армия, флот и авиация продолжают свою подготовку. Если король Зог не сдастся, мы пошлем в территориальные воды Албаний свои корабли и представим ультиматум. Если он будет настаивать на своем отказе, мы поднимем среди албанских племен восстание, объявим свою декларацию и высадимся. Оккупировав Тирану, мы соберем албанских вождей на учредительное собрание, на котором

председательствовать буду я, и я предложу албанскую корону королю Италии.

Бадوليو приходил к Дуче, чтобы сказать, что в отношении албанского предприятия он с Дуче согласен; его единственным предложением было мобилизовать больший контингент вооруженных сил.

31 марта 1939 года. Новости из Тираны подтверждают тот факт, что король готовится сопротивляться, что очень досадно, потому что я считаю, что в этой беспокойной и легко воспламеняющейся Европе сделать первый выстрел довольно опасно.

1 апреля 1939 года. Завтра албанский король получит новый проект договора. Или он его примет, и в этом случае я поеду в Тирану, чтобы присутствовать на торжественной церемонии подписания договора, или же он откажется. Тогда во вторник по всей Албании вспыхнут беспорядки, вызывая с нашей стороны необходимость вооруженного вмешательства.

2 апреля 1939 года. Дуче сообщил по телефону порядок погрузки войск на корабли, сказав, что порядок отправки будет сообщен вечером. Кажется, что король Албании не желает взять на себя ответственности за полную капитуляцию и намерен созвать Совет Министров, чтобы вынести это чрезвычайное решение.

5 апреля 1939 года. Я виделся с Дуче несколько раз. Он спокоен, зловеще спокоен и более, чем когда либо убежден, что в наши дела с Албанией никто вмешиваться не будет. Однако, он решил выступить и выступит, даже если бы весь мир восстал против него.

7 апреля 1939 года. Я встал в 4 часа. Стараче уже ожидал меня со многими новостями, среди которых была телеграмма от Зога на имя Дуче. В ней он подтверждал свое решение прийти к военному соглашению и начать по этому вопросу переговоры. В 6 часов утра я на аэроплане отправился в Албанию. В 7.45 утра мы были уже в Дураццо. В Дураццо было видно очень мало людей. Но очевидно там имело место какое-то сопротивление, потому что я видел отряды жандармерии, охраняющие порт. Я проследовал в Тирану. Улицы были мало оживлены, но охраны видно не было. Люди ходили по улицам столицы довольно спокойно.

Я сообщил об этом Дуче, который был вполне удовлетворен тем обстоятельством, что международной реакции почти не существовало.

9 апреля 1939 года. Я возвратился в Рим на совещание с Дуче. Многие албанцы очень дружелюбно провожали меня на

аэродроме. Они дарили мне албанские флаги и просили взамен итальянские. Сегодня утром Тирана была украшена трехцветными итальянскими флагами.

Дуче счастлив.

10 апреля 1939 года. Реакция за границей начала падать. Совершенно очевидно, что британские протесты предназначаются скорее для «внутреннего употребления», чем для какого-нибудь другого.

Новости из Албании хороши; военная оккупация проводится по плану и беспрепятственно.

14 апреля 1939 года. Прибыл Геринг. Я встретил его на вокзале и проводил в «Вилла Мадама». По дороге он обсуждал положение Оси, которое он считает грозным. Он сильно напал на Польшу.

16 апреля 1939 года. Церемония передачи албанской короны королю Италии происходила в итальянском королевском дворце. Албанцы, которые, казалось, терялись в огромных залах «Киринталя», имели подавленный вид. Король принял корону неуверенным и дрожащим тоном; он бесспорно не из тех ораторов, которые умеют производить впечатление на присутствующих.

У меня было два продолжительных разговора с Герингом. Хотя он и говорит больше всего о войне, мне кажется, что он не совсем закрыл дверь для мира, — по крайней мере на ближайшие годы. Больше всего меня беспокоит его тон, в котором он описывает свои отношения с Польшей; это мне напоминает о подобных же методах, примененных несколько ранее к Австрии и Чехословакии. Но поляки без борьбы оружия не сложат.

29 апреля 1939 года. Совет министров. Некоторые решения для увеличения мощи вооруженных сил одобрены. Дуче очень недоволен. Он чувствует, — и вполне прав, что за внешним видом имеется мало сути. Я тоже такого мнения. В военных сферах было достаточно блефа и даже сам Дуче был обманут. Это был трагический блеф.

2 мая 1939 года. Сегодня генерал Карбоне согласился с сообщением о том, что положение с нашим вооружением — катастрофическое. Подобные сообщения я получал из многих источников, но не считал их серьезными. Но что же делает Дуче? Его внимание, кажется, поглощено главным образом внешней формой: надо много уделять внимания «существующей армии», если она плохо марширует или если какой-нибудь офицер не знает как надо поднимать ногу в «римском шаге». Кажется, что действительная слабость нашей армии трогает его лишь до некоторой степени.

6 мая 1939 года. Миланский радужный прием, оказанный Риббентропу, рассеивает легенды, распространяемые обычными полицейскими осведомителями о том, что северная Италия настроена сильно анти-германски. Размерами демонстрации я был удивлен.

Впервые я нашел своего германского коллегу в приятном и спокойном состоянии духа. Он хвастался не так много, как обычно. Конечно, он говорил, что в течение ближайших лет мы должны двигаться и туда и сюда, но замедление темпов немецкой динамичности является очень знаменательным фактором.

Согласно телефонного разговора с Дуче, союз — или вернее сообщение о союзе — решено было об, явить в пятницу вечером.

7 мая 1939 года. Когда Муссолини что нибудь получал, он всегда просил еще больше; и он попросил меня сделать публичное сообщение о двухстороннем пакте, который он всегда предпочитал тройственному союзу. Фон Риббентроп, все же в глубине души предпочитавший включение в этот пакт Японии, сначала поколебался, но затем попросил подождать до одобрения этого предложения Гитлером.

Последний дал по телефону свое немедленное согласие и сам принял участие в составлении соглашения. Когда я сообщил об этом Дуче, он выразил особенное удовольствие.

12 мая 1939 года. Среди албанской интеллигенции произошел небольшой шторм, дающий объяснение тому, что человек двадцать было немедленно отправлено в концентрационные лагеря. Не должно быть ни малейшего признака слабости; новый режим должен характеризоваться справедливостью и силой. Предположено все дороги проводить к греческой границе. Этот план создал Дуче, который все больше и больше думает о том, чтобы при первой возможности напасть на Грецию.

17 мая 1939 года. Американский посол чувствует себя обиженным, особенно потому, что Дуче сказал, что Америка находится в руках евреев. Он хотел это отрицать, но использовал очень слабые аргументы. Он напирает на один пункт, а именно, что американский народ, который происходит из Европы, намерен заняться европейскими делами и было бы глупостью думать, что в случае вооруженного конфликта, он останется в стороне. Я сообщил об этом Дуче, который, кажется, этим не особенно встревожен.

21 мая 1939 года. Я прибыл в Берлин. Здесь происходят большие демонстрации явно добровольного характера. Мое первое совещание с Риббентропом. Ничто не изменилось в отношении того, что было сказано и решено в Милане. Он снова повторяет,

что Германия заинтересована в длительном мире и намерена его добиваться — по крайней мере года на три. Он настаивает на желательности включения в нашу систему Японии. Но поддерживает ту точку зрения, что СССР слишком слаб, чтобы оказать большую помощь западным демократическим странам, если бы даже он и стал на их сторону.

22 мая 1939 года. Мы повторили обсуждение более или менее тех же самых вопросов с Фюрером. Он заявил, что вполне удовлетворен пактом и подтверждает, что средиземноморская политика должна руководиться Италией.

Я нашел, что Гитлер чувствует себя хорошо, говорит спокойно, менее агрессивен. Немного постарел. Морщины вокруг глаз несколько углубились. Он спит очень мало. Всегда меньше нормы. Значительную часть ночи он проводит в окружении сотрудников и друзей. Фрау Геббельс является постоянным членом таких собраний и она описывала их мне... И всегда говорит Гитлер! Он может быть Фюрером сколько ему угодно, но он все время твердит об этом и досаждаёт этим своим гостям. Впервые во внутренних кругах я слышу намеки о нежных чувствах Фюрера к одной прекрасной девушке.

23 мая 1939 года. (продолжение записи от 22 мая 1939 года).

Ее имя Зигфрид фон Ляппус. Они видятся часто и наедине.

Церемония подписания пакта была очень торжественной и Фюрер был искренне тронут.

Когда Геринг увидел на шее у Риббентропа орден Аннунциаты — его положение было высоко, но больше не поднялось — в его глазах показались слезы.

Фон Маккензен рассказал мне, что Геринг устроил сцену, жалуюсь, что, поскольку он был единственным и истинным создателем нашего союза, орден в действительности должен бы принадлежать ему. Я обещал Маккензену, что я попытаюсь добиться ордена и для Геринга.

24 мая 1939 года. Возвращение в Рим.

По прибытии на вокзал, все высокие фашистские официальные лица приветствовали меня демонстрацией. Однако, мне ясно, что наш пакт больше нравится Германии, чем Италии. Мы должны понять, что ненависть к Франции еще не оказалась успешной для внушения любви к Германии.

25 мая 1939 года. Длительное совещание с Дуче. Он все еще продолжает свой анти-югославский и анти-греческий тон. Король с необычайной уверенностью сделал странное предсказание: «Наступит день», сказал он, «когда Италия и Германия придут к соглашению с Англией. Тогда мир и прогресс будут

действительно надежными.» Дуче очень нападет на монархию и говорит: «Я завидую Гитлеру, что ему не нужно тащить за собой так много пустых багажных вагонов».

27 мая 1939 года. Сегодня в наших отношениях с Великобританией критический день. Дуче принял Пэрси Лорэйна по случаю его формального представления; но вскоре визит принял совершенно другой характер. Дуче, который обычно бывает очень вежлив и учтив, был на этот раз очень суровым; его лицо было похоже на лицо какого-то восточного бога, изображаемого сидящим на троне. Он начал свою речь заявлением, что в виду объявления британской политики окружения, интересно было бы знать: остались ли еще какие нибудь ощутимые следы от соглашения, заключенного 16-го апреля?

28 мая 1939 года, (продолжение записи от 27-го мая). Лорэйн владел собой с трудом, но выразил сожаление, что точка зрения Муссолини была так далека от британской. Муссолини ответил, что время покажет, кто прав. Дуче сделал краткое и резкое замечание по поводу англо-советского союза и на том разговор неожиданно окончился.

Посмотрим, что теперь произойдет. По моему, британско-итальянское соглашение умрет, а вместе с ним, может быть умрет Чемберлэйн.

3 июня 1939 года. Церемония при дворе по случаю дарования албанцам конституции. Король спросил, кто составлял документ и в саркастическом тоне заметил, что на балканском флаге нет геральдических знаков династии. Я ответил ему, что это не совсем так, потому что на нем имеется синяя савойская лента и скандербергская корона. Это подействовало на него убедительно, но его дурное настроение осталось. Я сообщил об этом Дуче, который ухватился за этот удобный случай, чтобы «опустить рога и боднуть монархию». Дуче заявил, что он уже болен и устал от того, что тащит за собой «пустые багажные вагоны, которые еще вдобавок идут с заторможенными колесами» и что король — «маленький человек, брюзгливый и недостойный, который теперь заинтересован главным образом украшениями на флаге и не чувствует никакой гордости при виде того, что его территория увеличивается на 30 000 квадратных километров,» и в заключении: «эта монархия своей идиотской болтовней мешает фашистизации армии».

Дуче сказал: «я как кот, осторожен и благоразумен, но когда я прыгну, я наверное попаду туда, куда хочу. Я сейчас раздумываю над тем: не следует ли мне сразу же покончить с Савойским Домом?»

8 июня 1939 года. Пэрс Лорэйн передал в Лондон ответ на запрос, сделанный по адресу Дуче из Лондона. Чемберлэйн считает, что пакт от 16-го апреля находится в полной силе и надеется, что он мог бы иметь возможность для дальнейшего развития. Я не знаю, понравится ли такой ответ Дуче, который редко бывает удовлетворен одними словами и ему нужны действия — «крайние действия», как он говорит, — «ибо, в настоящее время ситуация является отрицательной; англо-турецкий пакт, гарантии, данные Греции и Румынии, переговоры с Москвой — все это является элементами политики окружения, которую Лондон проводит против нас.»

10 июня 1939 года. Военно-морской смотр; очень красиво. Кажется, что король Италии похвалил римский шаг и даже вспоминает некоторые исторические эпизоды, указывающие на его этическую ценность. Замечанием Дуче было: «Я хотел ему ответить: «Мой дорогой, торжественный идиот, мое распоряжение о том, чтобы ввести, было как раз в пик тебе».

13 июня 1939 года. Дуче вызвал меня к себе, чтобы поговорить о визите Франко. Он очень раздосадован неизбежным вмешательством короля (Италии), поскольку Франко является главой государства. Дуче говорит: «На этот раз я не хочу никакого вмешательства, имевшего место во время визита Гитлера. Если король не понимает, что он лишний, так я понимаю. Необходимо итальянскому народу указать на эту ситуацию, чтобы он мог, наконец, выбрать между мной и королем.»

14 июня 1939 года. Обед во французском посольстве — бесполезный, бесцветный, второстепенный обед, данный в традиционной дипломатической манере. Фактически о политике мы не говорили. Все же французская пресса подняла большой шум в связи с этим событием, которое, я повторяю, не представляет собой абсолютно ничего и оставляет наши отношения с Францией прежними — даже еще хуже, чем прежними.

7 июля 1939 года. В связи с передачей личного послания от Чемберлэйна, Пэрс Лорэйн очень суетился и явился, наконец, в «Палаццо Венеция». Само послание не представляет собой ничего особенного. Оно является чем-то вроде обвинения на немецкие притязания на Данциг и написано в минорном тоне, упоминая об опасности для мира всего мира, которая могла бы вытекать из таких притязаний. Дуче обсуждал это послание пункт за пунктом и некоторые из его аргументов поистине блестящи. В заключение, он дважды повторяет: «Передайте Чемберлэйну, что, если Англия готова бороться в защиту